

Выстрѣл Горгулова

В тѣ минуты, когда пишутся эти строки, Горгулов еще ожидает суда и приговора. Приговор этот вряд ли вызывает сомнѣнія. Горгулов искупит смертью свое бессмысленное преступленіе — против ни в чем неповиннаго старика и его близких, против Франціи, против нас и Россіи. Рука не поднимается, чтобы бросить лишній камень в человѣка, всѣми заклеяменнаго, всѣми брошеннаго, над которым уже повис нож гильотины. Да простит ему Бог его тяжкій грѣх и разбудит дремлющую совѣсть в его темной и мрачной душѣ.

Но нам, которым предстоит жить, надо взглянуть в свою собственную совѣсть и сдѣлать свои выводы из преступленія Горгулова. Теперь мы можем сдѣлать их свободно. Никто не собирается нам мстить за убійцу. Франція оказалась великодушнѣе, чѣм ожидали даже искренніе ея друзья. Тѣм болѣе на нас ложится долг произнести свой внутренній суд — не над Горгуловым — но над собой, над горгуловщиной в себѣ.

Слишком легко и поспѣшно эмиграція отбросила от себя Горгулова. В этой поспѣшности было не одно справедливое негодованіе и отталкиваніе от преступленія. Здѣсь был и страх, была настоящая паника перед малѣйшей тѣнью отвѣтственности. Сразу же была создана и с необычайной рѣшительностью пущена в оборот версія о большевизмѣ Горгулова. Отвѣтственные публицисты и политики, претендующіе на моральное водительство, утверждали, что в коммунизмѣ Горгулова не может быть сомнѣнія. Множество «свидѣтелей» и даже «очевидцев» пытались доказать то, во что так страстно хотѣлось вѣрить. Слѣдствіе не подтвердило этих предположеній. От этой версії не осталось ничего, кромѣ мучительнаго стыда за ту легкость обращенія с истиной, за ту моральную безотвѣтственность, которая вскрылась в нашей средѣ, создав настоящій патологическій фон для этого маниакальнаго преступленія.

Казалось бы, достаточно нѣскольких совершенно простых соображений, чтобы отбросить коммунистическую версію. Мы, конечно, знаем, что большевики способны на все (соброр в Со-фїи, Кутепов и т. д.). Но здѣсь само преступленіе слишком бессмысленно, а риск слишком велик. Никакой другой политической цѣли для убійства безвластнаго президента республики нельзя было и придумать, кромѣ одной — «скомпрометировать эмиграцію». Риск огромен: слѣдствие могло найти нить, которая привела бы к истинным виновникам преступленія. Изгнаніе из Франціи, разрыв торговых сношеній с ней, сильный удар по европейским связям вообще, которыя в годы пятилѣтки для Сталина приобрѣли жизненное значеніе. И против всего этого на другой чашкѣ вѣсов: опороченіе эмиграціи, сейчас мало активной, в Европѣ не вліятельной, политически для большевиков не страшной. Какое чудовищное неравенство баланса! Какая дьявольски рискованная игра!

Но примем ее. Пусть большевики безумцы. Однако они должны быть круглыми дураками, чтобы послать на убійство Горгулова, во-первых, маниака, а, во-вторых, человекѣ, не связаннаго ни с одной эмигрантской партіей. Так провокація не дѣлается. Провокатор должен выйти из нѣдр враждебной, активной группы, а у Горгулова не нашлось никаких, хотя бы самых тонких ниточек, ведущих к нашим политическим группировкам.

И послѣднее. Горгулов шел на вѣрную смерть. Самая обстановка его преступленія глубоко отлична от остальных большевистских злодѣяній, гдѣ виновники чаще всего оставались ненайденными. Чтобы итти на смерть, надо быть человекѣм идеи. Горгулов мог быть убѣжденным коммунистом, но не наемным убійцей. Но тогда, как же Горгулов, писатель, поэт, публицист, ни разу не проговорился, не был сбит с толку, не вышел из своего, «горгуловскаго» идейнаго круга? Как ни безумна идея Горгулова, он умирает за свою идею, не может умереть за чужую.

Всегда, во всяком преступленіи остается, конечно, нѣкоторая возможность соучастія посторонних сил. Большевики могли использовать маниака, облегчить его преступленіе. Но и в

этом случаѣ остается сам Горгулов с темным комплексом своих идей, который, при всем безуміи, имѣет объективное значеніе.

В безуміи нерѣдко с особой силой высвобождаются идеи, живущія под порогом здраваго сознанія. Горгулов признан вмѣняемым. Он не сумасшедшій, а маниак, человек навязчивой идеи. Такими были анархисты прошлаго вѣка, полубезумные убійцы президента Карно, императрицы Елизаветы. Было бы недопустимо возлагать личную отвѣтственность за их преступленія на Бакунина или Крапоткина. Но в них вскрылся провал идеи, ея основная порочность, по крайней мѣрѣ опасность болѣзненных уклонов внутри идейнаго круга. Так изувѣрство религиозных сект не опорачивает религіи, но оно указывает на опасную зону религиозной психологіи, напоминает о бдительности, о трезвости, об очищеніи мистических страстей.

Каков же этот горгуловскій идейный комплекс, который имѣет значеніе и для нас? В его косноязычій явно слышатся два основных звука: антибольшевистскій активизм и антиевропейскій націонализм. Оголенные, освобожденные от всякой политической оглядки и от контроля разсудка, они вооружили руку убійцы. Сами по себѣ, и активизм, и націонализм русской эмиграціи достойны уваженія. Но в безсиліи неудач, в горечи пораженій, они принимают нерѣдко патологическія формы.

Активизм. Как клятва борьбы с красным деспотизмом, как стойкость, непримиримость — можно ли отрицать его? Но для людей политически незрѣлых или ребячливых, для тѣх, кто прошел только одну школу — гражданской войны — борьба отождествляется с убійством. Активизм становится псевдонимом терроризма. Только в убійствѣ, в пролитіи крови врага находит себѣ удовлетвореніе военный инстинкт борьбы. Нужно убивать большевиков. Каких? гдѣ? как? Для многих это уже не важно. Вожди непріятели недоступны, то-есть трудно доступны. Револьвер поднимается на тѣх, кто ближе, кто рядом — по линіи наименьшаго сопротивленія. Жертвами падают не руководители ГПУ, а Набоков (!), Воровскій, Войков. Набоков — вмѣсто Милюкова, Милюков вмѣсто Ленина — очевидно, как

пособник, как совиновник, т.-е., хотя и враг большевиков, но недостаточно активный, соглашатель. Воровский и Войков — ответственные большевики. Но убийство их, как представителей СССР на территории европейских государств, есть удар не только по большевикам, и не только по СССР, (что не одно и то же), но и по Швейцарии, Польше, по народам Европы, на которых оно возлагает политическая осложнения, вытекающая из подобных актов. Замечательно, что все достижения нашего террористического активизма имеют бессмысленный или двусмысленный характер. Невольно вспоминается напечатанное несколько лет тому назад в одной газете описание террористического налета на Петербург. Перешедшие финскую границу с опасностью для жизни активисты не придумали ничего лучшего, как бросить бомбы в районный коммунистический клуб. Уничтожение нескольких рядовых членов многомиллионной партии, в том числе женщин и, может быть, случайных беспартийных, казалось им достаточным оправданием убийства.

Национализм русский, раздавленный и униженный, легко принимает в настоящее время формы антиевропеизма. Им заражены многие из пореволюционных течений. Но вне политических кругов он распространен гораздо шире, как обывательская подоплека, как кожное, утробное мироощущение. Европу ненавидят и за то, что она спаслась, когда мы утонули, и за то, что она не спасла нас. Считают себя в праву и по сей час требовать от Европы жертв и кровью и деньгами для освобождения России и сердятся, не видя с ее стороны готовности к жертвам. В таком отношении есть изрядная доля моральной тупости и извращения национального сознания. Моральная тупость заключается в требовании жертв от другого для спасения себя. Извращение национализма — в нежелании принять и нести национальную ответственность. Россия отвечает сама за себя. Большевизм — ее собственный грех, как и освобождение от большевизма — ее собственный подвиг. Каковы бы ни были ошибки союзников в 17-20 годах, не они погубили национальную Россию. Они не могли, да и не имели права спасать ее против ее воли, спасать ее от нея самой. Думать иначе значит унижать Россию, лишать ее всякой личной судьбы. Не один

Горгулов не может понять этого. Горечь к Европѣ живет на днѣ многих ран.

Террористическій активизм является у нас принадлежностью правых политических группировок. Анти-европеизм открыто выражается в пореволюціонных, как раз не грѣшащих активизмом. Сочетаніе того и другого — личная собственность Горгулова, сдѣлавшая его, к счастью, таким неприкаянным чужаком в нашей средѣ. Но то, что разсѣчено политическими идеологиями, часто уживается в обывательском сознаниі. Горгуловскій комплекс в разрѣженном видѣ не так уже чужд нашей обывательской психологіи. Отсюда еще безконечно далеко до Горгуловскаго преступленія. Но это преступленіе освѣтило нам темные углы и закоулки русской души. Надо почиститься. Надо освободиться от власти бредовых идей. Надо слѣдить за своим душевным и духовным здоровьем, бороться с безуміем, подстерегающим людей, слишком долго и безнадежно страдавших.

Очищеніе активизма, очищеніе національного чувства — вот в чем мы больше всего нуждаемся. Наша установка — на просвѣтленную непримиримость и на жертвенный подвиг, подготовленный работой мысли при свѣтѣ совѣсти.